

Сергей Корниевский

Дичь

Уик-энд начался на редкость успешно. С утра меня окликнула вчерашняя студентка, а ныне инспектор секретной части, и предложила ознакомиться с поступившим на мое имя исполненным разведкой поручением по делу о недавней экспроприации на Приморской улице. Молодая девица, работавшая, быть может, только неделю и наверняка даже не знавшая, где тут у нас интимный гардероб, весьма оживленно отклонила мое требование выдать сокровенные документы в руки, засвидетельствовав свой отказ перечисленными, как по абетке, всеми положенными пунктами закона про государственную тайну. «Чему их только учат?» – подумал я. Разумеется, мой пуризм и привитое за четыре года мужичье высокомерие ахнуло в голову. Я возмущился новому явлению, словно подсолнух холодной погоде, вспылил, поменялся в цвете и внезапно перешел с девушкой на «ты». Спор был безуспешен и глуп. Мне нечего было противопоставить ее сообразительности и юридической грамотности. Заветные же бумаги были хорошо спрятаны за крепкой металлической дверью, ключ от которой лежал в сейфе за ее спиной. Я улыбнулся и произнес какой-то нескладный комплимент. Она промолчала, отчего я почувствовал себя глупо, словно оператор печатной машинки, в спешке совершивший опечатку и теперь пытающийся ее исправить, наслюнив указательный палец. В этот момент, к моему счастью, в кабинет вошел начальник криминального блока, могущественный полковник, покровитель всех оперов.

В меморандуме обнаружились любопытные подробности. Оказывается, по указанному мной адресу действительно с недавних пор проживает интересующий меня Анзар. Сверх того,

на одной из прикрепленных к документу фотографий я узнал две другие занимательные личности, именами Арслан и Мансур, возникшие в недавнем прошлом в нашей стороне, словно фиалки на плодотворной почве. Любопытная деталь: в правом углу фотографии виден был край случайно попавшей в кадр корявой шкалы, похожей на ЭКГ, напечатанной вопреки всем требованиям на обыкновенной бумаге, видимо, предоставленной хозяевам вместо ордера. «Снова заходили под видом сейсмологов, – подумал я. – Поразительная штука, за сто лет ничего не поменялось в этой сейсмологии. Как бились на станке князя Голицына, так и бьются по сей день на его отпрысках. Чего нельзя сказать о разбойниках. Были: Мотель, Нухим, Абрам, Берка. А теперь: Анзар, Арслан, Мансур, Заур». Их имена были неразборчивы, написаны от руки: по инструкции, секретные документы запрещено печатать и хранить на компьютере.

Разбой делался многообещающим. Я продолжал вчитываться в рапорт, делая какие следует отметки в своем замызганном блокноте. Раздался звонок телефона. Ответил. Звонил Панчу Аркадий, потерпевший по делу, телефонировавший мне за утро уже в третий раз. Его понять можно. Во время антрепризы разбойники разломали его жене челюсть. Виной тому партия жестокосердия и поиска справедливости. Их лица – безжалостная штука. От этого искал Панчу Аркадий особенно усердно. Я объявил, что есть добрые известия, и положил трубку. Между тем в кабинет вошел Паша, мой широкоплечий напарник. Он усадил свой мускулистый зад на стол и сообщил, что нас вызывают. Дурное предзнаменование.

В кабинете начальника райотдела, за чернототость и несговорчивость получившего от нас прозвище Очко, был весь оперативный блок. Его перевели недавно. На прошлом месте, где-то в Центральной Украине, он попался на крупной взятке, отчего угодил в немилость и был сослан, словно маршал Жуков, в ссылку на Юг. Ранее он ел манну небесную, а ныне обходится собственным кителем. Этот жирный, гад, с третьим и четвертым подбородком, встал из-за своего стола и, словно анархист Саша Фельдман, требующий контрибуцию у одесской буржуазии при красной администрации, объявил: «Много я говорить не намерен. Началась

операция «Мак». Меня не волнует, – он крепко выругался, – чтоб к концу выходных каждый сделал по триста девятой». Собрание на этом завершилось. Опечаленные опера разбрелись по кабинетам, словно полевые мыши из захудалого дома. Вместе с ними и я. В кабинете рядом с секретным меморандумом лежал абонемент на пять литров бензина – гостинец от начальника розыска.

Триста девятой мы называли статью за хранение наркотиков, по ее номеру в уголовном кодексе. Вся эта дичь с операциями «Мак», «Стоп-наркотик» и прочей чепухой была мне хорошо известна. Этой фикцией министерское руководство отчитывалось перед своим начальством, изображая и оправдывая эффективность своего назначения. Тем не менее неисполнение подобных директив всякий раз обещало малоприятные приглашения в райотдел, тяготы, штрафования и другие сотрясения воздуха и напрасную трату чернил, в то время как оперативное устранение, напротив, грозило вольностями и теплотой в обращении на ближайшие несколько дней. Самое время для дела Панчу. Само собой, схватить какого-нибудь чудака, всунуть ему загадочный конверт в штанину и представить это явление как оригинал при нашем сердечном суде было невозможно. Да и не по вкусу мне такие рецепты. Отыскать подлинный случай не так просто. Следует топтать землю. Стало быть, выход один: следует найти соискателя со взаимным интересом. Разумеется, для подобного случая у каждого порядочного милиционера в нужном месте всякий раз имеется потребный для профессии инвентарь. Мы с Пашей сообразили нужную утварь и удалились.

В Крыжановке были через пятнадцать минут. Первым делом я направился к больному туберкулезом бывалому урке Яше, местному хранителю традиций, случаем задолжавшему мне одолжение. Но он неожиданно умер, вероломно упрятав мой интерес к себе в могилу. В поисках благодетеля мы с Пашей стали шататься по селу, словно кошки. Люди обходили нас, подобно тому, как финские водители объезжают оленей, на рога которых нанесен светоотражатель. У местного магазина, едва ли не сбив с ног, в мои объятия вывалился весельчак в рваных штанах и с порожней бутылкой от водки в грязной руке. Коренная публика была мне хорошо знакома, но этого чудака я видел впервые. Я схватил

его за ворот и спешно оттащил в сторону. От резвого рывка незнакомца вырвало прямо на лестнице. Подробности растеклись по ступенькам, несколько брызг попали на мои лакированные, словно у колумбийского наркодилера, туфли. Я выругался. Увидев это, на крыльцо выскочила продавщица тетя Рая, бойкий и пышногрудый феодал с короткими ногами, доносивший мне обо всех занимательных событиях в ее поместье. Завидев меня, она расцвела.

– Серенький, как же хорошо, что ты тут, – она свела на груди руки. – Этот пьяница только что требовал у меня вручить ему бутылку водки, а денег-то при себе не имеет. Ведь это же статья, грабеж. Забери его к себе в обезьянник, пускай проспится. А если надо, заяву я накатаю.

– Ладно, мамаша, помойте ступеньки. Турист ходит, – перевел я.

Поднял мужика. Руки его были в собственных наполовину переваренных харчах. Он аккуратно вытер их о свою рубаху, затем двумя руками взялся за лоб и покорно посмотрел на меня. Видно было, что утром его рацион состоял из доширака и каких-то зеленых стеблей. Паша, стоя в стороне и разыгрывая связь с гогочущей толпой, сам предательски дистрофически дергался от смеха. Я раздраженно посмотрел в сторону зевак, выругался еще раз и повел пьяницу за угол. Паша поплелся следом. Мужик ничем не отличался от обыденного пропащего бродяги-люмпена, в какой-то миг не поспевшего за ходом хлестко меняющегося мира и в итоге сброшенного со счетов у всех близких по родству людей и коммунальчиков. Он был грязен, от лица и рук исходило зловоние. В глазах читалось потрясающее безразличие ко всему происходящему и резигнация. Только лишь очки «мавроди» выдавали в нем интеллигента. Он стоял, чуть нагнувшись вперед, слегка выдвинув плечо, пустую бутылку держа позади себя, словно подпольный миллионер Корейко гантель во время беседы с Остапом Бендером.

– Отец, ты чего это магазин грабить надумал? – спросил я бродягу.

Само собой, я понимал, что ничего противозаконного он не совершил, но собеседование с чего-то надо было начинать. Между тем мне уже четырежды звонил потерпевший Панчу, озабочен-

ный фантазиями о моем сговоре с разбойниками. Ну что мне ему сказать? Что министр приказал бросить все, включая переломанную челюсть его несчастной жены, и подтянуть реестр наркоманских дел? Он меня скверно поймет, опять будет предлагать деньги, а мне братъ уже как-то и нескладно. Я не отвечал. Тем временем люмпен разговорился.

– Ребята, налейте грамм триста водки, – попросил он, глядя на нас с ясностью и пониманием, словно герой картины Серова в Третьяковской галерее.

Я возбудился.

– За что сидел? – спросил я, указав лицом на выпачканную во рвоте руку.

– Я не сидел!

Именно этот ответ я и желал услышать. Не сидевшим за триста девятую дают условный срок. Изображая инспекцию, я взял его замызганную руку и повертел несколько раз, якобы ища татуировку. Отпустил. Разумеется, мне не имелось никакого дела до рук и татуировок этого несчастного. Единственная моя к нему страсть заключалась в предстоящем мерзком, как сколопендра, предприятии, и ничего более.

– Батя, я тебе сейчас так налью, что ты не унесешь, – дал ходу Паша. Он подошел ближе к мужику и сотворил устрашающий образ.

Я нахмурил брови, посмотрел на Пашу и незаметно для несчастного сморщился и отрицательно помахал ему лбом. Паша понял.

– Ладно, парни, постойте тут. Я сейчас приду.

Я дал знак Паше, чтоб он не прислонялся к абоненту, и убежал в магазин. Тетя Рая уже убрала грязь со ступенек и озабоченно считала сдачу какому-то загорелому гостю с мощными руками, раскачанными до толщины моих ног, и красивой татуировкой в виде зловещего дракона во все плечо и часть шеи. Пока турист получал сдачу, я скромно стоял в углу магазина, рассматривая этикетки макарон. Начинать свое выступление в присутствии этого варана было страшно. Он легко мог определить меня грабителем и смять мое хилое тело, словно учащийся старших классов страницу дневника с двойкой, до приезда дежурного Штонды. Денег

я не имел, поэтому, когда турист вышел, я особенно вспльчиво и раздраженно потребовал в срочном порядке предоставить мне две бутылки водки. Тетя Рая растерянно посмотрела на меня, видимо, рассуждая: дать отпор – или дело строгое? Я всплился сильнее, словно вот-вот кто-то умрет, заскочил за прилавок, схватил три бутылки со стеллажа и выбежал, прихватив по пути упаковку пластиковых стаканчиков. Тетя Рая молчала.

Паша и люмпен стояли поодаль друг от друга, косясь по сторонам, словно застенчивые подростки на первом свидании. Я подошел, налил в стакан немного водки и дал мужику. Он жадно выпил, глаза его блеснули. Я подошел еще ближе и сунул все три бутылки в его объятия. Мужик, поначалу слегка растерявшись, отшатнулся, но тут же оживился и крепко схватил тару. Он глядел на меня с пониманием и большой ответственностью, словно лазутчик, посылаемый в арьергард противника.

– Что вам надо? – спросил он и сверкнул глазами, как бы добавляя: – Я согласен.

Я достал из куртки бумажный сверток и сунул его в жакет своего нового единомышленника. Он был мягок, влажен и совершенно не готов к отпору. Сейчас я мог бы раскрыть прошлогоднее убийство на Кулиндоровских дачах, заглохшее на первых порах, или объявить войну соседней стране, вторгнувшись через ее границу на танке, но мне нужна была триста девятая статья. Мужик жадно впился губами в начатую бутылку и, слегка захлебнувшись, показал зубы. Водка потекла за его воротник. Глаза его заслезились. Я сжал скулы и устно снабдил его подробной инструкцией. Далее началось такое представление, от которого всякий воспитанный человек, зажмурив глаза, обратится в бегство. Но нашу с Пашей совесть заменила ксива, а воспитание – строевой устав. Когда в цирке дефицит веселья, из среды зрителей возникает скоморох со рваной до ушей мотней, прожженной дырой на ягодицах и в чувстве собственного достоинства. Он спешит участвовать в конкурсе, по пути обливая себя с ног до головы недорогим пивом и пуская отрывки направо и налево. Подобно этому явлению, наш благодетель направился, словно пустая ладья, по течению в людное общество, неся при себе три бутылки водки в руках и конверт с травой за пазухой.

Шагая за мужиком, мы дошли до соседней улицы. Когда он проходил мимо группы покрытых бронзовой корочкой молодых людей, Паша его догнал и притормозил. Группа людей шевельнулась и с любопытством обернулась в нашу сторону. Пока я, стоя в стороне, выковыривал застрявшую промеж зубов костлявую рыбину, донимавшую меня последние полчаса, Паша что-то бубнил про недавно прибывшую ориентировку по делу об убийстве в соседнем районе, фотороботе и немом лице подзреваемого. Все сходилось, рост, вес, возраст, типаж. «У вас есть документы, удостоверяющие личность? – спросил Паша. – Нам надо вас обыскать». Какой-то парень из толпы, стало быть, самый бойкий, подошел к нам и громко объявил, что он студент академии внутренних дел и готов оказать нам помощь. За ним подошла группа его друзей. Все разом мы окружили нашего благодетеля, словно рой пчел ненароком упущенную изо рта сладкую конфету. Я показал свое удостоверение зрителям, после чего громко и подробно объявил им какие следует артикулы и положения. Этот парад лицемерия выглядел так, словно мы с Пашей собирались обыскивать толпу полуголых людей, а не нашего благодетеля. Мужик между тем молча стоял в стороне, одиноко и грустно следя за нами, словно пассажир поезда за скудостью проезжаемой местности. Когда я закончил, мы разом обратились к нему. Паша взял бутылки водки из его объятий и положил на асфальт. Мужик медленно и покорно поднял руки. Паша ловкими движениями стал шарить по его карманам. Из заднего кармана штанин Паша достал паспорт и передал его мне. Я многозначительно открыл и начал его листать. Везение. Почему мы не справились о нем до этого момента, я не знаю. Паша подал пару резиновых перчаток, упакованных в полиэтиленовый пакет, обнаруженных в другом кармане люмпена. Увидев их, толпа взбодрилась, стали о чем-то перешептываться. Мы приблизились к апофеозу. Паша стал обыскивать внутренние карманы жакета. Он аккуратно достал бумажный сверток и с восторгом в глазах поднял его высоко над головой, словно туземец – скальп путешественника. Толпа оживилась сильнее. Когда Паша начал распаковывать пакет, молодые люди стали вытягивать шеи, будто болельщики во время пенальти в ворота команды соперника.

– Это у нас что? – задал Паша омерзительный вопрос и сам на него ответил: – Сейчас посмотрим.

В пакете лежала горсть сухой травы, нащипанной мною в прошлом месяце около уличной парашы в селе Санжейка и высушенной в тот же день на сковороде в квартире Паши. Курильщики называют ее «дичью», или «дичкой». Говорят, что такая трава желаемого эффекта не производит, но на экспертизе же неизбежно показывает достаточную для возбуждения уголовного дела долю тетрагидроканнабиола. Мы составили какие следует грамоты. Понятые и подозреваемый приложили руку. Я позвонил в дежурку, зарегистрировал рапорт, после чего наказал мужику явиться завтра в райотдел, и мы разошлись. Само собой, паспорт я оставил у себя.

На другой день поутру мужик стоял около кабинета, ожидая моего появления, словно студент профессора. К моему огромному изумлению, он был выбрит, аккуратно одет и, как мне показалось, свежестрижен. Поначалу я даже усомнился в подлинности этого явления, но, приблизившись, понял: ошибки быть не может. Мужик открыл рот, желая начать беседу, но я остановил его поднятым вверх пальцем. Мы зашли в кабинет. Он стал около моего обветшалого перекошенного шкафа с потрескавшимся лаком на дверцах и гигантской дырой от удара взбешенного начальника участковых. Трясаясь, словно хвост красноперки в руках неумелой домохозяйки, он заговорил.

– Видите ли... вчера... – его голос задрожал, а глаза покраснели, словно раскаленная сковородка, и наполнились слезами. – Вчера я совершил непоправимую глупость.

Он расплакался. Всхлип его был таким кротким и беспомощным, похоже было, что он боялся нарушить тишину или мой покой. В руках он теребил какой-то плюгавый белый платочек, которым время от времени подтирал глаза и щеки. Вначале это явление разбудило во мне свирепство и презрительную желчь, но когда он вдруг поднял на меня свой смиренный и погожий взгляд, я узнал в нем оступившегося интеллигента. В этот момент я почему-то вспомнил глаза моей учительницы географии, поймавшей меня за вымазыванием ее деревянного стула клеем «Момент». Во мне переменилось.

Я сел за стол и усадил гостя в кресло. Он представился Василием. Сидя друг напротив друга, мы совещались полчаса. Выяснилось, что он вовсе не люмпен, а старший инженер-технолог жмеринского сталелитейного завода, утомившийся от домогательств и нерушимости ума начальства, словно алчный спекулянт от налогового инспектора, и решивший укрыться на время среди удобосговорчивых южан. О, как же я его понимаю! Он искал у черноморской тверди прибежища, а повстречал напрасные хлопоты и людей, лишенных достоинства. Приятель! Сопя и умываясь слезами, он рассказывал мне о плуте, главном инженере завода, торгующем остатками былой роскоши, на упреки резонно отвечающем: «А зачем тогда становиться начальником?». О несчастной жене, с которой вот уже год состоит в разводе, но по причине отсутствия у обоих иного жилья, кроме общей комнаты в коммунальной квартире, продолжает жить под одной крышей, и ее выходках: «Я не идиотка, чтоб по четвергам мыться» или «отдай керосинку или берегись смерти». Я засмеялся, но его слова еще сильнее пробудили во мне участие и симпатию. Когда я собирался выходить из кабинета, Василий достал из штанины банкноту в пятьдесят гривен и протянул мне. Эту позорно малую мзду я брать не хотел, но в картридже закончилась краска, сверх того, я всерьез подумывал вернуть тете Рае долг. Я вышел из своего кабинета с незыблемой готовностью освободить от ответственности за минувшую шалость нового друга.

По пути в кабинет начальника я вспомнил услышанный недавно анекдот о том, как одоленные непреклонным требованием задекларировать триста девяную гаишники в надежде сбить оскомину руководства склонили некоего товарища разыграть водевиль, где у него в автомобиле в результате слаженных действий находят любопытный пакет. Разумеется, по сообщениям безопасности предприимчивые гаишники вместо марихуаны в пакете разместили самый обыкновенный бурьян, высушенный и растертый до необходимой консистенции. Эта фантазия должна была на время экспертизы избавить их от насилия начальства и завершиться на заключении эксперта, где напротив параграфа о наличии наркотических средств будет стоять прочерк. Но пьяный эксперт по обыкновению выдал

копию предыдущего заключения, сменив лишь дату и фабулу события. От такого известия товарищей гаишников взял припадок, и началась унылая милицейская суматоха.

С этой мыслью я вошел к начальнику розыска. Он сидел за своим столом в конце кабинета и смотрел в окно. На краю стола находился небольшого размера бронзовый бюст Дзержинского. На стене текст: «Честь и порядок». Похоже, моему появлению он был рад. Он сделал мне несколько комплиментов по поводу вчерашней акции, я смущенно потупил взгляд, после чего объявил, что Василия следует отпустить. Некоторое время начальник слушал меня внимательно, даже что-то записывал. На мгновение мне даже показалось, что я нахожу понимание. Но вскоре, само собой, он утратил к моему нелепому сердоболию всякий интерес. Перебив меня и отозвавшись неодобрительно, он выругался в мой адрес и выпроводил из кабинета, пригрозив мерой. Я вышел и остановился у окна. «Да, его понять можно, – подумал я, – сам я не управлюсь, следует идти к Очку, а кто этого желает?» К тому же, явлению этому присвоен порядковый номер, и дело уже направлено на экспертизу. Ехать к экспертам без санкции руководства невозможно: меня, не выслушав, вышвырнут, как котенка, и вдобавок унизят. Затем еще и десяток студентов, наблюдавших за нашим подвигом, – с ними что делать? Выходные только начались, от нас непременно опять потребуют регистрации, а где отыскать нового героя? Аркадий звонил мне раз тридцать – снова его лишать внимания? Сверх того, в будущем месяце у меня по графику отпуск, и полагающееся звание недалеко – следует отличиться.

Я соблазнялся все сильнее, становилось совершенно очевидно: Василию помочь не смогу. Я вернулся в кабинет. Мой подзащитный сидел там же, сжав загорелые руки между колен. Он был похож на застенчивого виолончелиста, желающего согреться перед пробным выступлением. Увидев меня, он резво привстал, я жестом наказал ему вернуться в кресло и, сам не зная, зачем, автоматически покинул помещение. Я спустился на первый этаж, зашел в дежурную часть, потоптался около камер наблюдения, взял выписку из журнала со своим рапортом, после чего вернулся в кабинет. Разумеется, логику своих аргументов Василию я не открыл, лишь озабочено объявил ему, что был у начальника, и ни-

кто, к сожалению, помочь ему уже не сможет. В доказательство я протянул ему выписку из реестра, подписанную дежурным сержантом. Он снова схватился за голову и стал умолять спасти его. Я успокаивал его тем, что он ранее не судимый, а значит, будет условный срок. Услышав это, он снова и снова брался за голову. Просидели мы с ним около часа. Разгадку искали сообща. Он, еще не освоивший, что его несчастное имя уже пополнило списки обезумевшей компании, советовал мне обратиться к вышестоящему руководству с покаянной запиской. Я на ходу воображал отговорки и объявлял их Василию. Он смиренно и понимающе кивал головой, брался двумя руками за лицо. Время от времени я покидал кабинет или громко говорил по телефону, имитируя попытки решить его проблему. Спрашивал совета у Паши, тот в недоумении махал головой. Я чувствовал себя гнусно, вел себя самоуверенно. Василий безжалостно корил себя матом и царапал лицо. Я доказал ему, что сделать что-либо невозможно. Он сидел, опустив вспотевшую голову, уткнувшись взглядом в пол. Я играл в пасьянс на компьютере и диктовал Паше текст объяснения от студента академии внутренних дел. Вдруг в кабинет вошел начальник розыска, за ним следом начальник райотдела. Они стали посередине кабинета, последний обратился к Василию.

– Ты что, – спросил он, – в Жмеринке живешь?

Василий поднялся с кресла и озабоченно кивнул головой. Затем начальник, тряся подбородком и тыкая в стороны средним пальцем, объявил мне, что Василия сейчас же следует отпустить, материалы отозвать. Ничего более не объясняя и не обложив меня, по своему обычаю, цокотом, он вышел из кабинета. Василий блаженно защебетал и чуть ли не книксеном проводил своего спасителя. Следом за ним, озабочено глянув на меня, вышел начальник розыска. Паша выругался и смял лист бумаги, на котором в извращенной форме были описаны события вчерашнего вечера. Потрясенный новостью Василий, разумеется, не заметил его вероломную выходку. Я зевнул, выключил компьютер и почесал затылок. Василий, раздув ноздри, словно конь на скачках, шел ко мне, выставив вперед грудь. Он схватил меня руками металлурга и крепко обнял. Затем он подошел к Паше, треская красным от удовольствия ртом. Он благодарил его за помощь, мял его руку,

словно школьный учитель музыки прославленному капельмейстеру за отличный концерт. Я вернул Василию паспорт, буркнул что-то, еще раз пожал руку. Рассматривая нас по очереди и широко улыбаясь, он все еще трясся.

Делать нечего, мы вышли из кабинета, я провел его до передней, мы еще раз обнялись, и он ушел. Пятьдесят гривен, подаренные им два часа назад, во внутреннем кармане пиджака жгли мне сердце, но я их не вернул. За эти деньги я намеревался возвернуть долг за три бутылки водки и упаковку стаканчиков, выброшенную нами там же, рядом с магазином. Впрочем, этих денег мне не хватало, следовало отыскать еще. Я вернулся в кабинет. Паша мне объявил, что был начальник розыска. Что наша профессия принята без ущерба репутации и рейтингу, что мы можем заниматься делом Панчу. Он добавил, что Очко сам родом из Жмеринки, знаком с директором завода, что у них имеется общий интерес в какой-то судостроительной фирме и проч. Что ж, у металлистов свои сношения. Я позвонил Аркадию Панчу, пригласил его в райотдел, после чего достал из стола исполненные милицейской разведкой поручения и стал их изучать. Паше я объявил, что сегодня же по пути домой нам следует заехать в село Санжейку.

